

О способе обоснования Кантом своеобразия права и правовой свободы

А.А. Туманов

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье обсуждается способ обоснования Кантом своеобразия права и правовой свободы. Рассмотрены имеющиеся в исследовательской литературе типичные критические суждения и оценки, утверждавшие противоречивость и неудовлетворительность этого обоснования и (в его контексте) решения Кантом вопроса о соотношении морали и права. Выявлены этапы переосмысления Кантом ряда центральных понятий практической философии в ходе его философской эволюции. Рассмотрены основные результаты обоснования Кантом своеобразия права и правовой свободы в их сопоставлении с моралью и моральной свободой.

Abstract. The paper considers the way of Kant substantiation of peculiarity of the right and legal freedom. The author has analyzed some typical critical opinions and appraisals claiming that this substantiation is contradictory and unsatisfactory. The phases of Kant re-comprehension of a number of practical philosophy concepts in the course of his philosophical evolution have been pointed out. The basic results of Kant substantiation of peculiarity of the right and legal freedom in comparison with the morals and moral freedom have been considered as well.

1. Введение

Известно, что Кант серьезно занялся философией права и пришел к обоснованию права в качестве самостоятельной идеи чистого практического разума лишь на заключительном этапе своей творческой эволюции, значительно позже завершения им трех "Критик", составивших в совокупности систему его критической философии. Ранее в его системе места для обстоятельного философского осмысления права не нашлось. Проблематика права и политики стала средоточием интересов Канта лишь в последнее десятилетие его жизни.

Еще более важно, что оценки содержания, значения и исторической роли "философии права" Канта историками философии и историками правовой мысли до сих пор остаются неоднозначными. В начале прошлого века П.И. Новгородцев обратился к обсуждению распространенных (тогда, а отчасти и поныне) среди комментаторов мнений, что трактат "Метафизические начала учения о праве" (этот трактат составил первую часть книги "Метафизика нравов" (1797), вторая ее часть – "Метафизические начала учения о добродетели"), в котором обоснованы и изложены главные итоговые положения философии права Канта, написан стареющим философом и по уровню его исполнения свидетельствует об упадке творческих потенций автора. "Часто указывают на то, что "Учение о праве", как произведение стареющего философа, носит следы недостаточной разработки и умственной усталости. Это может быть верно в отношении к подробностям и к общей композиции сочинения; но в основных своих положениях оно представляет собою верное отражение нравственной философии Канта со всеми ее особенностями" (Новгородцев, 2000). Как видно, Новгородцев, не приемля уничижительные оценки этого трактата Канта в целом, тем не менее, считал их не лишенными оснований. Действительно, для столь авторитетного исследователя философии Канта, как В. Виндельбанд, оценка "Метафизики нравов" вместе с "Метафизическими началами учения о праве" как книги, "уже отразившей стареющий ум автора" (Виндельбанд, 1998), представлялась самоочевидной и не нуждающейся в дополнительной аргументации. В результате большинству историков философии учение Канта о праве не представлялось важной и существенной стороной (частью) его философского наследия.

Традиционно весьма скромными также были оценки философии права Канта со стороны историков правовой и политической мысли. Когда Э. Кассирер формулировал вывод: "Таким образом, кантовское учение о праве и государстве полностью исходит из общих предпосылок XVIII в., из идеи неотчуждаемых и основных прав человека и из идеи общественного договора" (Кассирер, 1997), он всего лишь воспроизвел ставшую почти общим местом констатацию несамостоятельности оригинальности правовой и политической теории Канта. Правда, вряд ли кто-то рискнул бы утверждать, что неоригинальным является также и метафизическое обоснование Кантом учения о праве. Но зато о содержании этого обоснования споров не меньше.

Показательно, что Новгородцев, продолжая процитированные выше оценки "Метафизических

началах учения о праве", замечал: это сочинение "поучительно даже своими противоречиями, поскольку они вытекают из его общего взгляда и служат обнаружением его односторонностей". Один из главных упреков Новгородцева в адрес Канта по поводу якобы противоречий его метафизического обоснования права выглядел так: "когда он хочет представить право в связи с нравственностью, оно теряет свои специфические черты; когда же он пытается подчеркнуть специфические черты права, оно утрачивает свою связь с нравственностью" (Новгородцев, 2000). По сути, тем самым он утверждал, что при решении вопроса о соотношении права и морали Канта постигла полная неудача. Аналогичные упреки Канту в непоследовательности и противоречивости его философии права многократно воспроизводились в комментаторской литературе и позже.

Среди исследователей философии Канта широким признанием пользуется вывод, что Кант обосновал право, исходя из принципов практического разума, и в результате подчинил право морали. Этот вывод в общем виде не лишен оснований, несмотря на то, что различные варианты его интерпретаций и конкретизации не в равной мере достоверны и нуждаются в дополнительной аргументации. Ведь до сих пор многие прямо утверждают, будто бы кантовская философия права целиком производна от его этики, а это уже спорно.

2. Философская эволюция Канта в осмыслении отношений морали и права

Более того, даже и этот общий тезис, что Кант считал чистый практический разум источником и основанием права, казалось бы, явно противоречит содержанию главного сочинения Канта о практическом разуме. В "Критике практического разума", в которой Кант систематически обосновал автономию воли и моральный закон, право (как и в написанных ранее "Основоположениях метафизики нравственности") ни в коей мере не выводилось из принципов практического разума и не рассматривалось в качестве некоего "приложения" морали. Напротив, в работах тех лет Кант характеризовал право и сообразные с правом поступки людей как "внеморальные" и даже противостоящие принципам морали. В контексте кантовского противопоставления "морального" и "легального" право оказывалось в сфере "легального", понятого как совокупность поступков, лишь внешне сообразных с моральным законом, но при этом лишенных внутренней моральной мотивации субъекта. Легальные поступки, по Канту, гетерономны, проистекают из внешне предписанных норм, а не из автономной воли субъекта, и потому пребывают, как сказал бы Ницше, "по ту сторону добра и зла".

Тем, кто подобно Новгородцеву, был склонен чрезмерно "морализировать" кантовскую философию права, оказалось проще обнаружить в ней массу противоречий (подчас мнимых), чем выявить, каким образом Кант на самом деле в процессе его эволюции по-разному понимал своеобразие права в его отношении к морали и этике. Думается, что многие дискуссионные вопросы по поводу понимания Кантом отношений морали и права не обрели однозначных решений отчасти именно по той причине, что не была принята во внимание его философская эволюция, а также связанные с нею терминологические сдвиги и уточнения 90-х гг. XVIII в. Позицию Канта в "Критике практического разума" в отношении возможности (точнее: невозможности) трансцендентального обоснования права можно считать ее *первым* этапом обоснования им права.

Второй этап составили сформулированные Кантом еще в трактатах 80-х гг. соображения о праве и о правовом порядке, подготовившие тот вариант философского обоснования права, который был реализован им в "Критике способности суждения" (непосредственно во второй ее части – в "Критике телеологической способности суждения"). Важно видеть главное: изложенная там концепция права в контексте телеологической философии истории существенно отличалась от возобладавшей в более поздних работах Канта трактовки права как идеи чистого практического разума и представляла собой совершенно другой вариант философского осмысления права.

В "Критике способности суждения" философские основания права Кант обнаружил не в практическом разуме, а в другой трансцендентальной способности – в телеологической способности суждения. Право предстало в контексте его философии истории и философии культуры в качестве способа преодоления природных и общественных антагонизмов между людьми и необходимого средства осуществления ими своей свободы, и тем самым (внутри культуры) – условия и средства реализации "последней цели, которую мы имеем основание приписать природе в отношении человеческого рода" (Кант, 1966). Самое удивительное, что большинство исследователей и комментаторов кантовской философии права игнорировало тот факт, что понимание Кантом права как цели истории – это нечто совершенно иное, чем обоснование права в качестве чистого понятия практического разума, и что это два совершенно разных способа философского рассмотрения права. Поскольку нет никаких свидетельств, будто Кант хоть в какой-то мере пересмотрел свои прежние идеи о философии истории и, соответственно, о роли в ней права, тем важнее показать, каким образом возможно непротиворечивое объединение этих двух разных его подходов к философскому обоснованию права. Оно может быть

раскрыто в исследовании взаимодействий права как чистого понятия практического разума (существующего в форме мысли) с общественным правопорядком как системой отношений между людьми.

На *третьем* этапе, когда Кант поставил перед собой задачу обнаружить метафизические основания права в практическом разуме, для него действительно центральным стал вопрос об отношении права к морали и этике. Суть проблемы в том, что Кант мог философски обосновать право в качестве понятия практического разума, доказать реальность правовой свободы и сформулировать категорический императив права только лишь на путях постоянного соотношения их с моральной свободной волей и с моральным законом. При этом Канту в равной мере было важно показать как общую укорененность морали и права в практическом разуме, так и принципиальные различия между ними, несводимость права к морали и этике. Если б Кант этого не сделал, это означало бы его полный отказ от выявления самостоятельных метафизических оснований права и уяснения своеобразия правовой свободы. В результате отношения права и морали (соответственно, философского учения о праве и этики) представлены Кантом более сложными и многомерными, чем приписываемая ему трактовка права непосредственного приложения принципов морали.

Начиная с "Критики чистого разума", Кант называл "философию свободы" (как одну из двух частей философии наряду с философией природы) также "нравственной философией". В те годы и некоторое время позже нравственная философия в его представлении по объему и по содержанию совпадала с этикой как моральной философией. Тогда у него не было нужды в разграничении и в терминологическом закреплении различий понятий "нравственность" и "мораль", "нравственная философия" и "этика"¹, тем более, что право, принадлежащее сфере "легального" и "гетерономного", Кант в то время считал вовсе пребывающим за пределами морали и нравственности.

В той мере, в какой Кант стал рассматривать практический разум в качестве источника и основания не только морали, но также и права, а правовую свободу – как форму практической свободы, прежняя его терминология уже не могла сохраниться неприкосновенной, потому что в контексте прежнего понимания Кантом практического разума (как выше отмечалось) не было предпосылок для трансцендентального понятия права и его философского осмысления. Поскольку Кант не счел нужным специально уведомлять читателей о своих терминологических новациях, наиболее явно обнаружившихся в тексте "Метафизики нравов", постольку он дал основания и поводы для разных трактовок и споров.

Согласно "позднему" Канту, общим метафизическим основанием и источником как морали (в ее традиционном понимании), так и права является практический разум, априорно устанавливающий их специфические принципы и законы. Единственной свободой, возможность и реальность которой Кант считал возможным утверждать, не впадая в противоречие (как и прежде) оставалась практическая свобода. Это означало, что и правовая свобода (если таковая существует наряду с "моральной", понятой в первоначальном смысле этого слова) может быть также только практической свободой. Но теперь уже Кант предпочитал расширительную трактовку понятия "нравственность". Философия права и философское учение о добродетелях (именуемое этикой) при этом оказались у него двумя составными частями "философии нравственности": "*Учение о праве* как первая часть учения о нравственности требует вытекающей из разума системы, которую можно было бы назвать *метафизикой права*" (Кант, 1995). Иногда же для обозначения общего понятия, охватывающего всю сферу практически-разумного, наряду с "нравственностью" он использовал также термин "мораль", тем более, что для Канта эти термины обозначали одно понятие. "Эти законы свободы в отличие от законов природы называются *моральными*. Поскольку они касаются лишь внешних поступков и их законосообразности, они называются *юридическими законами*; если же ими выдвигается требование, чтобы они (законы) сами были определяющими основаниями поступков, они называются *этическими*..." (Кант, 1995).

П.И. Новгородцев рассматривал эти формулировки Канта в качестве главного подтверждения того, что Кант относил юридические законы к моральным законам (как их часть или вид) и считал право всего лишь разделом морали. Это верно, но лишь с неременным учетом того, что понятие "мораль" в "Метафизике нравов" использовалось Кантом в "расширительном" смысле – совсем не так, как в его прежних сочинениях по моральной философии, и не так, как было принято в философии до и после Канта. Вряд ли корректно в кантовские формулировки с новой расширительной трактовкой понятия морали подставлять общее, всем хорошо известное по главным более ранним трудам Канта понимание морали (как это сделал Новгородцев). При таком подходе невозможно было избежать несоответствий и противоречий в интерпретации позиций Канта по поводу соотношения морали и права. Но повинен в них не только Кант.

---

¹ В отличие от Гегеля, жестко разграничившего и противопоставившего внутреннюю субъективную моральность и объективную общественную нравственность.

Право и этические добродетели, по Канту, едины, так как все они основаны на разумно-практической свободе, разделяющейся на различные формы: внешней правовой свободы и внутренней моральной свободы. Они объединены также единым по методу конструирования законом свободы, т.е. категорическим императивом практического разума, предписывающего поступать согласно максиме, которая может иметь силу всеобщего (для всех) закона. Но зато содержание предписаний морально-этического категорического императива и категорического императива права совершенно различно. Морально-этический категорический императив предписывает, какими должны быть мотивы и цели моральных поступков, а именно: такими, которые могли бы стать целями всяких разумных существ. Категорический императив права определяет в качестве допустимых лишь такие свободные внешние поступки, которые не ущемляют аналогичной свободы других правосубъектов, но он не имеет никакого отношения ни к мотивам, ни к целям поступков.

Для исследования проблематики правовой свободы в философии Канта ответ на вопрос, имеем ли мы дело в морали и в праве с одной и той же свободой или же с двумя разными "свободами", должен иметь принципиальное значение. Если практическая свобода есть только морально-этическая, тогда о правовой свободе в лучшем случае (если вообще допускать ее существование) можно было бы рассуждать лишь как о приложении к внешним поступкам той же самой одной-единственной морально-этической свободы. Этот вариант также рассматривался Кантом в качестве возможного, и элементы его при большом желании могут быть усмотрены – правда, и то частично – в трактате Канта "К вечному миру". Но зато среди читателей и комментаторов кантовской философии именно такой вариант интерпретации его позиции до сих пор остается преобладающим. Тем не менее, итоговые выводы Канта в отношении правовой свободы оказались совершенно иными.

Завершая обсуждение принципа отделения учения о добродетели от учения о праве, Кант констатировал: "Это отделение, на котором покоится также основное деление *учения о нравственности* вообще, основывается на том, что понятие *свободы*, общее им обоим, делает необходимым деление на обязанности *внешней* и на обязанности *внутренней* свободы; из них лишь последние этические" (Кант, 1995). Тем самым он недвусмысленно формулировал свою позицию, суть которой в том, что одно понятие свободы чистого практического разума разделяется на два понятия: на понятие правовой (внешней) и на понятие морально-этической (внутренней) свободы.

3. Заключение

Обнаружилось, что большая часть формулировавшихся в адрес Канта упреков в непоследовательности и противоречивости предпринятого им обоснования своеобразия права и правовой свободы не представляется достоверной. Они основаны на игнорировании осуществленного Кантом в ходе интеллектуальной эволюции существенного переосмысления (по содержанию и объему) центральных понятий своей философии: "практический разум", "практическая свобода", "нравственность", "мораль", "право" и соответствующего преобразования терминологии. По этим причинам распространенные суждения о соотношении права и морали в философии Канта должны оцениваться как упрощенные и неадекватные. Выявлены три этапа в решении Кантом вопроса о возможности осмысления права в трансцендентальной философии. Продемонстрировано, что итоговыми выводами Канта стало доказательство несводимости принципов права к морально-этическим и о своеобразии двух самостоятельных форм практической свободы: морально-этической (внутренней) и правовой (внешней).

Литература

- Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., Канон-Пресс, 494 с., 1998.
Кант. Критика способности суждения. Соч. в 6 т. М., Мысль, т.5, 564 с., 1966.
Кант. Метафизика нравов. В кн.: Критика практического разума. СПб., Наука, 628 с., 1995.
Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., Университетская книга, 447 с., 1997.
Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., Алетейя, с.186, 2000.